

Мосты

1.

Лишённый глухоты и слепоты,
я шёпотом выращивал мосты –
меж двух отчизн, которым я не нужен.
Поэзия – ордынский мой ярлык,
мой колокол, мой вырванный язык;
на чьей земле я буду обнаружен?
В какое поколение меня
швырнёт литературная возня?
Да будет разум светел и спокоен.
Я изучаю смысл родимых сфер:
пусть зрение моё – в один Гомер,
пускай мой слух – всего в один Бетховен.

2.

Слюною ласточки и чирканьем стрижа
над головой содержится душа
и следует за мною неотступно.
И сон тягуч, колхиден. И назло

мне простыня – галерное весло:
тяну к себе, осваиваю тупо.
С чужих хлебов и Родина – преступна;
над нею пешеходные мосты
врастают в землю с птичьей высоты!
Душа моя, тебе не хватит духа:
темным-темно, и музыка – взашей,
но в этом положении вещей
есть ностальгия зрения и слуха!

***

Мы все – одни. И нам ещё не скоро –
усталый снег полозьями елозить.
Колокола Успенского собора
облизывают губы на морозе.
Тишайший день, а нам ещё не светит
впрягать собак и мчаться до оврага...
Вселенские, детдомовские дети,
мы – все одни. Мы все – одна ватага.
О, санки, нежно смазанные жиром
домашних птиц, украденных в Сочельник!
Позволь прижаться льготным пассажиром
к твоей спине, сопливый соплеменник!
Овраг – мне друг, но истина – в валюте
свалывшейся, насиженной метели...
Мы одиноки потому, что в люди
другие звери выйти не успели.
Колокола, небесные подранки,
лакают облака. Ещё не скоро –
на плечи брать зареванные санки
и приходиться к Успенскому собору...

***

Какое вдохновение – молчать,
особенно – на русском, на жаргоне.
А за окном, как роза в самогоне,
плывёт луны прохладная печать.
Нет больше смысла – гнать понты, калякать,
по-фене ботать, стричься в паханы.

Родная осень, импортная слякоть,
весь мир – сплошное ухо тишины.
Над кармою, над Библией карманной,
над картою (больничною?) страны –
Поэт – сплошное ухо тишины
с разбитой перепонкой барабанной...

Наш сын уснул. И ты, моя дотрога,
курносую вселенную храня,
не ведаешь, молчание – от Бога,
но знаешь, что ребёнок – от меня.

***

Ещё темно и так сонливо,
что говорить невмоготу.
И берег спит и ждёт прилива,
поджав колени к животу.
Желтее корки мандарина,
на самом краешке трамплина
встаёт на цыпочки звезда.
И, словно вплавь, раздвинув шторы,
ещё по локоть кистепёрый,
ты возвращаешься туда,
где в раскалённом абажуре
ночная бабочка дежурит, –
и свет, и жизнь, и боль впритык!
Ты возвращаешься в язык,
чтоб слушать –
жалобно и жадно –
рассвет, подвешенный за жабры,
морской паром, по леера
запруженный грузовиками,
грушёвый сад, ещё вчера
набитый по уши сверчками!
Простор надраен и вельботен,
и умещается в горсти.
И ты свободен. Так свободен,
что некому сказать: «Прости...»

***

Мой милый друг! Такая ночь в Крыму,
что я – не сторож сердцу своему.
Рай переполнен. Небеса провисли,
ночью в перевернутой арбе,
И если перед сном приходят мысли,
то как заснуть при мысли о тебе?
Такая ночь токайского разлива,
сквозь щели в потолке, неторопливо
струится и густеет, августев...
Так нежно пахнут звёздные глубины
подмышками твоими голубыми...
Уже, наполовину опустев,
к речной воде, на корточках, с откосов –
сползает сад – шершав и абрикосов!
В консервной банке – плавает звезда...
О, женщина – сожжённое огниво:
так тяжело, так страшно, так счастливо!
И жить всегда – так мало, как всегда.

***

Сны трофейные – брат стережёт,
шмель гудит, цап-царапина жжёт,
простокваша впервые прокисла.
Береженного – Бог бережёт
от простуды и здравого смысла.

Мне б китайский в морщинках миндаль,
из гречишного мёда – медаль,
никого не продавшие книги,
корабли, устремлённые вдаль:
бригантины, корветы и бриги...

Мы выходим во тьму из огня,
ждём кентавра, что пьёт «на коня»,
и доставит тропую короткой
всех, пославших когда-то меня –
за бессмертьем, как будто за водкой.

* * *

Стол, за которым сидит река,
два старика на одном причале,
сыр – это бабочка молока, смех –
это гусеница печали,
что происходит в твоих словах:
осень, чьи листья, как будто чипсы,
тьма – это просто влюбленный страх,
это желание излечиться.

Мы поплавками на сон клюем,
кто нас разбудит, сопя носами,
волк, заглянувший в дверной проем,
окунь с цветаевскими глазами,
звон колокольчика над волной,
новой поэзии сраный веник,
мир, сотворенный когда-то мной,
это отныне – пустой обменник.
Вот он стоит на исходе лет,
шкаф, предназначенный быть сараем,
в нем обитает один скелет,
судя по библии – несгораем,
пьет и отлеживает бока,
книги – рассыпались, одичали:
сыр – это бабочка молока, смех –
это гусеница печали.